

ДОТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСКУССТВА, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И «ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ» ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

В. И. ПРЖИЛЕНСКИЙ

Гетерогенность философского знания

В свое время Кант называл скандалом в философии отсутствие доказательства существования внешнего мира. В этом же духе можно назвать скандалом отсутствие единого определения философии, единого облика философствования и даже единого критерия, позволяющего отличить философов от тех, кто таковыми не является.

Современная философия науки и социология знания провозглашают источником интеллектуальной традиции не определения и формулировки, а канонические тексты, которые содержат набор «хрестоматийных примеров» для подражания и последующего приобщения. Но и здесь дело обстоит не лучше, ибо канонические тексты настолько отличаются друг от друга, что вопрос о целостности философского знания проще объявить псевдовопросом, чем дать на него вразумительный ответ. Можно еще попытаться ответить метафорически, назвав философию «ничьей землей», как это сделал Б. Рассел. Или же назвать философию «одной из многих литературных традиций», как это сделал Р. Рорти. Но когда Рорти спросили, чувствует ли он себя философом, членом философского сообщества, он нехотя признал, что роль критерия могут выполнять принадлежность к сообществу и владение специальной терминологией. «Никто, — заявил он, — кроме профессоров философии, не занимается некоторыми вещами. Есть много чисто технических особенностей: знание о Дэвидсоне, Джоне Роулсе принадлежит философскому сообществу, и если вы не являетесь его частью, вы просто не знаете, что значат те или иные слова»¹.

Видя такое ускользающее от систематизирующего мышления единство, впору поставить вопрос: а не содержит ли философия несколько различных «форм жизни» или способов философствования? Не могут ли говорящие на одном языке и причисляющие себя к одному сообществу по-разному использовать эти обстоятельства, ставя и решая совершенно разные задачи? И не может ли за многообразием традиций и стилей стоять несколько совершенно разных способов философствования?

Отвечая на эти вопросы, трудно отделаться от мысли, что философия рождалась несколько раз, и каждый раз у ее истоков стояли социальные практики, связанные с профессиональным опытом, получаемым в некоторых избранных областях человеческой дея-

тельности. Под социальными практиками во множественном числе принято понимать некоторые устойчивые системы действия, различающиеся благодаря различию целей и средств человеческой деятельности, а также все возрастающему разделению труда. По мере длительного воспроизводства и развития социальные практики рождают то, что Л. Витгенштейн называл формами жизни, ставя каждой из них в соответствие свою собственную языковую игру, т. е. свои особенные — логику, грамматику и словарь. Каждая такая форма жизни представляет собой законченную систему коммуникации, подчиняющуюся своим внутренним правилам и соглашениям.

В данном контексте заслуживает также внимания понятие идеального типа, введенное М. Вебером для того, чтобы зафиксировать культурный смысл того или иного явления. Конструирование идеальных типов выполняет в социальной теории Вебера эвристические функции и служит основанием для каталогизации и категоризации разнородных явлений, не сводимых к единому знаменателю. Итак, каковы идеальные типы философствования и какие формы жизни или социальные практики за ними скрываются?

Геометры: от умозрения к визуализации

Нет никакого сомнения, что наиболее древний социокультурный образ философа связан с понятием созерцания, умозрения, спекуляции. Размышляя над спецификой античной культуры и античного социума, нашедших свое воплощение в этом образе, А.Ф. Лосев писал, что раб и рабовладелец — это не люди, а отвлеченные идеи умственного и физического труда. «Раб в античности, — писал Лосев, — трактуется не столько как человек, сколько как вещь, действующая не по своей воле, но по воле посторонней, то есть это не цельный человек, не личность, но лишь ее чувственно материальный момент»². Отсюда же следует со всей очевидностью, что для того чтобы стать настоящим рабовладельцем, настоящим носителем умственной активности, необходимо стать философом, теоретиком, т. е. ...не вполне человеком. Здесь же берут свое начало все требования к образу жизни, сразу же породившие стоиков, киников и т. п. И хотя здесь мы найдем также некоторые религиозные или проторелигиозные мотивы аскезы и очищения, а также и рациональное требование умеренности и «золотой середины», идея теоретика как получеловека-полуфункции весьма примечательна.

Не менее интересно лосевское замечание о «скульптурности» античной интуиции. Так, характеризуя специфику понимания идеи, он отмечает, что последняя, «будучи идеей вещественно-телесной, всегда обладала в античности ярко выраженной зрительной при-

родой. Она была одновременно и умственной, и зрительной, так что интеллектуальная интуиция, столь мало понятная многим философам Нового времени, в античности подразумевалась сама собою и не требовала для себя никаких доказательств³.

О геометрии философы говорили с незапамятных времен. По преданию, Платон запрещал входить в свою Академию тем, кто не был знаком с геометрией. Учение Декарта о врожденных идеях и этика Спинозы, построенная по аналогии с евклидовым трактатом, не оставляют сомнений в том, что новоевропейская рефлексия столь же зависима от геометрии, сколь и античная спекуляция. Постмодернисты вновь актуализировали проблемы геометрического влияния на философию, науку, теоретическое мышление и рациональность. Пуанкаре отмечал, что в истории математики существуют «два рода совершенно различных умов». Одни, прежде всего, заняты соблюдением правил логики, в их исследовании каждый шаг закономерен, обоснован и подчинен единому плану. Другие доверяют интуиции и делают спонтанные и неожиданные шаги, результативность которых иногда бывает очень высокой. «Если часто говорят о первых, что они аналитики, и если других называют геометрами, то это не мешает одним оставаться аналитиками даже тогда, когда они работают в геометрии, точно также как другим быть геометрами, если даже они занимаются чистым анализом. Самая природа их ума делает из них сторонников логики или интуиции и они не в силах отрешиться от нее, когда приступают к новому предмету»⁴.

Но есть и иная точка зрения, не менее авторитетная: «В наши дни мода и литературные склонности породили уверенность, что можно обойтись без специалиста или свести его роль к вспомогательной деятельности на службе “созерцателя”, интуитивно воспринимающего действительность. Почти все науки обязаны кое-чем дилетантам, часто даже весьма ценной постановкой вопросов. Однако возведение дилетантизма в научный принцип было бы концом науки. Пусть тот, кто ищет созерцаний, отправляется в кино»⁵. В замечании М. Вебера можно услышать отголоски антисхоластического движения, красной нитью проходящего через всю новоевропейскую философию и науку. Как известно, борьба с метафизикой является практически обязательным компонентом большинства философских учений и концепций, начиная с XVII в. Примечательно, что всякий раз, когда намечается очередное преодоление метафизики, эта метафизика определяется абсолютно по-новому. Но недоверие к созерцанию, умозрению и интуиции является отличительной чертой эпохи, несмотря на все усилия интуиционистов, будь то специалисты

в области математики, логики, этики или какой-либо другой философской дисциплины.

Если рассматривать любую научную теорию с позиции обыденного мышления, то не может не вызвать удивления ее концептуальный каркас. Силы и поля, организмы и среды, институты и ценности, теоретические объекты и схемы отношений между ними, действия и взаимодействия — все это надо уметь себе представлять, всем этим надо уметь оперировать и связывать все это с миром повседневного опыта. Такое умение не просто важно, без него невозможно никакое научное знание. Наблюдать явления — еще не значит получить доступ к знанию их сущности или законов, ими управляющих. «Окачивается, для того, чтобы их узнать, ученый должен фантазировать, представлять такие “идеальные” ситуации, которые невозможны в обычном опыте... В науке часто используются понятия о так называемых “идеализированных” предметах, которые не могут существовать в реальном опыте. Таково, например, понятие механики о “материальной точке” как о таком теле, которое существует в реальном пространстве и времени, обладает массой (как и все реальные тела), однако совершенно лишено размера. Использование таких понятий помогает представить “идеальные” ситуации и формулировать законы»⁶. Такие «фантазии» ученых представляют собой не что иное, как визуализацию.

Роль метафоры в философском и научном мышлении является весьма существенной, ибо обращение к метафорическому мышлению можно рассматривать как некое фундаментальное теоретическое действие, создающее отдельный термин или целую концептуальную схему, парадигму, программу. Но она не рождает новый смысл, а скорее играет роль средства, нежели выполняет функцию генератора. Метафора скорее является механизмом визуализации или элементом ее структуры, а рождение нового смысла, новой предметной области, нового теоретического знания зависит и от удачной визуализации, и от успешного ее сочетания с тремя другими процедурами теоретического мышления — аргументацией, конструированием и интерпретацией. Одной или даже нескольких метафор мало для того, чтобы создать смысл или сконструировать новую реальность.

Однако метафоры продолжают действовать и после рождения новых образов, они играют роль регуляторов при выстраивании знания в единую систему. Как отмечают С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский, метафоры снимают ограничения на формы описания исследовательской области и, одновременно с этим, позволяют установить новую определенность путем приписывания объектам данной области прежде невыявленных свойств⁷.

Философы, близкие к филологам, литературоведам и художникам, обращаются к искусству визуализации гораздо более смело и непринужденно, чем философы, ориентированные на естественнонаучное знание и, в особенности, чем специалисты в области философии физики. Рассматривать произнесение фраз как особый производственный процесс начал еще Л. Витгенштейн, сравнивая язык с двигателем, простаивающим, работающим в режиме холостого хода и т. д. Вслед за ним к метафоре производства смысла обратились постмодернисты. «Когда такое производство рушится, — пишет Ж. Делёз, — или когда поверхность терзают разрывы и вмешательства извне, тела снова проваливаются в собственную глубину; все снова погружается в анонимные пульсации, где слова суть не более чем телесные аффекты — все проваливается в первичный порядок, грохочущий под вторичной организацией смысла»⁸.

Так французский философ пытается сделать наглядной саму процедуру визуализации. Трудно назвать это нагромождение образов теорией, но ничего другого в философии, т. е. сделанного средствами философии, пока нет. Воистину, что не может быть сказано, может быть только показано. Но действительно ли визуализация является единственным средством рождения нового знания, а античные геометры выступают в качестве главных предтеч философов? Может быть и так, однако, не стоит забывать, что античные геометры были не только специалистами в области пространственных форм. Нарезая земельные участки, измеряя их площадь и улаживая имущественные споры, эти самые геометры выступали еще и в роли юристов. Правда, в качестве подлинных юристов выступали скорее софисты, а платоновская «Апология Сократа» на тысячелетия явилась образцом встречи философских идей и правоприменительной практики. Но она остается фактически единственным значимым фактом подобного рода вплоть до рождения христианской апологетики, когда именно судопроизводство детерминирует ход и содержание философской мысли, а правоприменительная практика кладет основание нового способа философствования.

Судьи: когерентность и аргументация

Влияние правоприменительной практики на философию и науку было весьма существенным и в классической Античности. Но именно в период встречи Афин с Иерусалимом, в период соединения греческой мудрости и иудеохристианского откровения юридическое начало приобретает колоссальное значение. Речь идет об обстоятельствах, способствовавших рождению апологетики — особого

этапа истории христианской Церкви, особого вида богословской литературы и, что особенно важно для данного рассмотрения, особого вида рационального мышления. Внешней причиной явились многочисленные случаи обращения в суд с жалобами на христиан, иногда приобретавшие характер гонений, а иногда не выходявшие за рамки обычного разрешения конфликтных ситуаций в повседневной жизни той эпохи.

Пока первые христианские миссионеры шли с благой вестью от одного иудейского селения к другому, их проповеди вполне укладывались в древнюю традицию призывов к вере. Эти призывы, как и подобает религиозным призывам, указывали на необходимость обратиться или, что в принципе одно и то же, вернуться к истинной вере. При этом апелляции были обращены либо к мистическому религиозному чувству, либо к благочестивому желанию следовать истиной вере — вере отцов, сохранять традиции, обычаи и нравы ушедших эпох, которые по какой-то причине оказались забыты или искажены. То же самое продолжалось, когда с христианским посланием адепты добирались до сирийского или коптского поселения, а также входили в город, подобный Иерусалиму, для которого власть Рима не стала причиной культурной вестернизации в виде эллинизации. В этих городах и селениях, сохранивших восточную религиозную культуру и соответствующий тип мышления, действенность проповеди была связана с рассказами о чудесах, обращением к значимым образам посредством притч и иносказаний, метафоризации действительности и т. п.

Но стоило апостолам или их сподвижникам, несшим благою весть, ступить на улицу эллинизированного города, как реакция на их рассказы менялась в корне. Их обвиняли во лжи, так как находили в их словах противоречия, точно так же, как и сегодня, наличие противоречий в показаниях свидетелей или подозреваемых служит основанием для их опровержения. Но апостолы совершенно иначе представляли себе путь к истине, не обращая внимания на логическую составляющую их веры. Как отмечает С.С. Аверинцев, в Афинах классического периода была выработана невиданная прежде культура дефиниции, и дефиниция превратилась в важнейший элемент оценки человеческих мыслей и действий. Рационалистическое мышление реорганизовало всю систему межчеловеческих взаимодействий. «Мышлению, даже весьма развитому, — пишет Аверинцев, — но не прошедшему через некоторую специфическую выучку, форма дефиниции чужда. Можно прочесть весь Ветхий Завет от корки до корки и не найти там ни одной формальной дефиниции; предмет выясняется не через определение, но через уподобление по типу “притчи”»⁹.

Это свойство рационалистического мышления, будучи внедренным в жизнь человека и общества, радикально изменяет его. Но его источником лишь отчасти служит философская мысль. Правоприменительная практика значит ничуть не меньше, если не больше, ибо она превращает вопрос точности определения в вопрос жизни и смерти, ибо обвинения, предъявленные в суде, заставляют искать именно ту дефиницию, которая должна спасти не только идею, но и человеческую жизнь. И не случайно Аверинцев отмечает приверженность к строгим дефинициям именно в средневековой теологической философии. «На каждой странице Иоанна Дамаскина или Фомы Аквинского — дефиниция, мысль движется от одного формального обвинения к другому. Самым последним вырождением схоластического способа мыслить, вплоть до какой-нибудь бурсацкой премудрости, присуща тяга к сакраментальной процедуре дефинирования»¹⁰.

Причина этой поразительной тяги к дефиниции — в исторически беспрецедентной ситуации, которая возникла вследствие распространения христианства в период раннехристианской апологетики. Когда сегодня исследователи рассматривают обстоятельства того, как адепты христианского вероучения превратились из провозвестников новой жизни в апологетов истиной веры, а затем и в мучеников, то эти обстоятельства трактуются ими по аналогии с современностью. Гонения на христиан выглядят как реакция властей и традиционалистов на опасности разного рода, которые несла с собой эта «модернизация снизу». И это, несомненно, верно, но лишь отчасти. Гонения на христиан сопровождалась невиданным прежде явлением — массовыми разбирательствами в судах идей, убеждений и взглядов, хотя и рожденных вне естественного ареала распространения античной философской мысли, но способных составить конкуренцию последней. Потому-то и приобрели такую популярность в христианских кругах труды Иустина Философа, Поликарпа Смирнского, Феофила Антиохийского и многих других, известных и безымянных авторов, которые были написаны для помощи в составлении настоящей апологии. Апология — это речь обвиняемого или его защитника в суде, содержащая ответы на обвинения. Такая речь должна была быть не только произнесена, но и предъявлена в письменном виде, как и само обвинение. Здесь уже надо было не только сказать, но и записать, т. е. сформулировать идеи и принципы, представить их в виде универсальных суждений, выстраиваемых в систему. Все это нужно было либо для того, чтобы объявить их ложными и противоречивыми, либо для того, чтобы отстоять свое право иметь оные и открыто провозглашать.

Инженеры: конструирование и согласование

Третий идеальный тип философствования можно условно назвать конструктивно-техническим. Так же как умозрительно-геометрический и логико-юридический, этот тип присутствует в античной мысли с самого начала ее развития, но подлинный расцвет этой «формы жизни» философского разума приходится на период XIV – XVII веков. В своем исследовании «источников и движущих сил» научной революции Нового времени И.Т. Касавин обратил внимание на то, что в исторических реконструкциях доминирует стремление логически вывести сущностные черты новоевропейской науки из средневековой и возрожденческой университетской учености. При этом переход от теоретико-умозрительного взгляда на мир к экспериментальному методу в большинстве случаев объясняется логикой развития теоретического знания, хотя и находящегося под влиянием великих открытий. «Но такой переход, – отмечает Касавин, – не мог эволюционно созреть в мысли; он был выстрадан драматическим ходом исторического развития, ему предшествовал важнейший период XIII – XV вв., подготовивший и закрепивший в общественном сознании и практике новый образ знания и его получения»¹¹.

Далее в исследовании рассматривается роль изменений, произошедших в повседневной деятельности врачей, печатников и моряков. Роль великих географических открытий, как и роль не менее великих открытий в области медицины, анатомии и физиологии человека, давно оценена историками науки. В статье Касавина отстаивается тезис, согласно которому новое понимание мира, ставшее причиной научной революции, является не столько реакцией на сами открытия, сколько следствием изменения профессиональных и социальных практик, этим открытиям предшествовавших. Те, кто смог доплыть до Индии и Америки, не могли обойтись без радикального усовершенствования математики и, что особенно важно, без усовершенствования способов ее применения. Те, кто собирался лечить людей, а не искать истину, концентрировал свое внимание на аномалиях, был занят поиском и разоблачением тайн природы и т. д.

Проблемы генезиса геометрического метода Галилея ставятся в фундаментальном труде Э. Гуссерля, который, к сожалению, так и остался незавершенным. Речь идет о «Кризисе европейских наук», в котором основоположник феноменологии довольно подробно анализирует особенности методической индукции, применяемой Галилеем для экстраполяции на бесконечность некоторых допущений. В этом труде и менее известном «Начале геометрии» Гуссерль вскрывает технические особенности нового метода и зависимость

от этих методических новаций структуры и содержания нового образа мира. При этом очевидным становится значение именно процедуры конструирования. «Познать мир “философски”, всерьез научно — это имеет смысл и возможно, только если изобрести метод, с помощью которого можно было бы систематически и в известной мере заранее конструировать мир, бесконечность его каузальных связей, из ограниченного набора того, что каждый раз — и притом только относительно — устанавливается в прямом опыте, и стараться удостоверить эту конструкцию, несмотря на ее бесконечность»¹².

Конструктивистское направление также набирает обороты в философии науки. «Теоретическая фурнитура мира постоянно отвергается, устраняется и заменяется»¹³, — пишет Б. ван Фрассен о проблеме реальности теоретических конструкций. Но вот эмпирическое знание развивается, и оно гораздо важнее, чем его концептуальная схематизация и обслуживающие его теоретические конструкции. «Действительно, мы можем идентифицировать тело знания (body of knowledge), которое действительно развивается путем накопления, а не замены: эмпирическое знание, которое было проверено и сохранено, все еще принято как былые достижения науки»¹⁴.

Казалось бы, аналогия научного и философского теоретизирования с конструированием и построением, строительной и инженерно-конструкторской деятельностью напрашивается сама собой. Более того, ее применение было столь частым, что словосочетание «построение научной теории» стало привычным и повседневным. Но, точно так же, как и в случае влияния геометрии, новейшие открытия позволяют не просто увидеть некие сходства или зафиксировать факт некоторого влияния. Благодаря феноменологии и другим рациональным инициативам современности, стало возможным говорить о механизмах рождения и последующего присутствия данных практик — визуализации и конструирования — в философском теоретизировании. Что дает теоретическое конструирование? Оно позволяет подобрать нужные «детали» или «изготовить» их. Именно в процессе конструирования мы осуществляем манипуляции, переносы, реконструкции и даже деконструкции, выходя за рамки как контекста открытия, так и контекста обоснования, переходя к контексту построения, это совершенно иная стихия, иная форма жизни, иная игра со своей собственной системой правил. И эти правила отличаются от правил, по которым ведется открытие и обоснование. Также отличаются друг от друга скрытые телеологии, которые генетически связаны с соответствующими практиками и содержащимися в них целеполаганиями.

Истолкователи: от геометрии к филологии

И, наконец, четвертая практика, четвертая форма жизни, связанная с пониманием, с поиском и выявлением смысла. В XX веке исследования герменевтики в философии и гуманитарных науках вызвали такой интерес и породили такую обширную литературу, что оценить смысл произошедшего и его значение не так-то просто. Утверждать здесь нечто в смысле итога можно, но обосновать это утверждение – вряд ли. Совершенно очевидно: Гуссерль, Хайдеггер и их последователи дали философам новый образец для подражания: не геометру, а филологу должен подражать философ, если он хочет постичь истину. Не схему, не формулу, не совокупность утверждений универсального характера, а смысл и значение интересующего нас феномена должен искать философ, утверждается ими.

Этот посыл можно оценить как еще одну философскую теорию, утверждающую новые идеалы познания. Но есть и другая точка зрения, утверждение о том, что герменевтика не является теорией и не зависит от теории, но сами теории зависят от герменевтического их прочтения. Я предлагаю называть герменевтику посттеоретической дисциплиной, хотя она и восходит к дотеоретическому опыту и дотеоретической практике.

Социальная практика, положившая начало герменевтике, обычно возводится к деятельности древнегреческих оракулов, древнееврейских и раннехристианских толкователей, средневековых комментаторов. Все это верно, и каноническую историю герменевтики ставить под сомнение нет никаких оснований. Но подлинная встреча искусства интерпретации и философии, встреча, превратившая филологов в философов, во «властителей дум» и «выразителей духа эпохи», произошла в эпоху Ренессанса.

Как известно, эпоха Возрождения в истории философии занимает особое место. Если средневековая мысль долгое время квалифицировалась как теологическая, а не философская или, по крайней мере, не очень философская, то гуманисты признаются как полноправные, стопроцентные философы – неоплатоники, перипатетики, неопикурейцы и т. д. Но при этом обычно опускается тот факт, что гуманисты не создали учений и концепций, которые столь характерны и для современной, и для античной, и для средневековой философии. Можно, конечно, реконструировать концепции гуманистов, но такое реконструирование все более напоминает конструирование, достраивание, приписывание задним числом. И вот уже появляются утверждения, что гуманисты делали основанием онтологии эстетику и т. п. Гуманисты, действительно, создали новое понимание личности как уникальной и неповторимой, они

выдвинули тезис о единстве макрокосма и микрокосма. Все это так, но они же разработали методы литературной критики, выработали историко-критическое отношение к текстам, создали совершенно иные условия для понимания мира как текста, для постижения других культур, т. е. того, что позднее пригодится для историко-критического отношения к теоретическому мышлению в целом и его отдельным конструкциям. Если гуманисты Возрождения получили средства для «расколдовывания» сакральных текстов, то феноменологи и историки науки взглянут «по-другому» на тексты не менее сакральные — научные теории.

Интерес к повседневности — это не только открытие еще одного модуса бытия или еще одной сферы социального опыта. На почве повседневности можно найти некий общий знаменатель для горизонтального сравнения научного и ненаучного, для возможной критической оценки первого. Сегодня наука породила целый мир, вернее, множество возможных миров, выход из которых в повседневность, в мир здравого смысла нуждается в целом арсенале специальных средств, разработкой которых и занимается философия науки. «Философия науки, по существу, является герменевтической дисциплиной, в которой, как всегда в герменевтике, одна вещь, в данном случае — наука, понята с точки зрения другой (более поздней). Ее цель состоит в разъяснении того, что такое наука, с помощью проекции научного метода на другую плоскость — процедура, возможно, лучше всего характеризуемая словом картография... Философ науки не предполагает, подобно ученому, объяснения каких-то феноменов и не проводит эмпирические исследования; он разъясняет искомое средствами аналогии»¹⁵.

Ключом к пониманию повседневности является естественный язык. Когда человек говорит на обычном языке, то, на самом деле, с точки зрения Хайдеггера, — это язык говорит при посредстве человека. Из этой метафоры Хайдеггер делает вывод о том, что средневековые христиане и современные технофилы не просто говорят на разных языках, но и живут в разных мирах»¹⁶.

Таким образом, среди всего многообразия фактов философской жизни можно выделить четыре базовых идеальных типа философствования, каждый из которых имеет свой культурный смысл и за каждым из которых стоит своя форма жизни. *Визуализация* позволяет оперировать образами научных идей и понятий, она дает возможность находить соответствия между ними, выстраивать из них самые неожиданные конструкции. *Когерентизация* — это включение любого вновь полученного знания в комплекс уже имеющегося. Здесь происходит проверка на соответствие: от простого поиска противоречий до анализа изменений в общей картине

предмета исследования. Этот вид деятельности может быть в соответствии с известной традицией назван обоснованием сделанного открытия, хотя на самом деле разделение двух акций — открытия и обоснования — во времени может иметь место лишь в ретроспективных описаниях. На самом же деле историческое никогда не соответствует логическому. Идея, какой бы сногшибательной и сумасшедшей ее ни представляли позднее историки науки или даже сам автор открытия, должна быть сформулирована. И в этом процессе поиска «формулы» для идеи, как известно, присутствует такое множество согласований, что приравнивать ее к открытию вряд ли можно. Поэтому в реальности процесс когерентизации скорее напоминает не поиск оснований для уже свершенного открытия, а поиск подходящей детали для замены в каком-либо механизме.

Конструирование как особый вид исследовательской практики также может быть моделью открытия, а может и выступать как модель обоснования. Основную особенность этого вида деятельности выявили еще древние греки: взять в одном месте и перенести в другое. Например, приделать человеку крылья, будь то в виде самолета, в виде парашюта или в виде дельтаплана. Точно так же, как и в любой органопроекции, конструирование — некоторая замена, некоторый перенос, одновременно выполненный в жанрах подражания природе и ее обмана. Очень часто этот процесс путают и с визуализацией, и с когерентизацией.

Интерпретация, несмотря на различие форм в различных науках, играет огромную роль в научной жизни. Сегодня господствует мнение, что герменевтика представляет собой специфический для гуманитарных наук метод познания, который, если и применяется в естественных науках, то только для удовлетворения потребностей философов, культурологов или социологов: якобы, в физике не нужно что-то понимать, достаточно только объяснить, подводя факты под законы. На самом деле роль герменевтики в естествознании не менее велика, просто сам термин до недавнего времени в этих науках не использовался. Однако потребностью в интерпретации были вызваны и дискуссии между выдающимися учеными, в которых они выходили далеко за пределы специальнаучных проблем открытия и обоснования нового знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. — М.: Традиция, 1997. — С. 140.

² Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении. — М.: Мысль, 1989. — С. 12.

³ Там же.

⁴ Пуанкаре А. О науке. — М.: Наука, 1990. — С. 203.

- ⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М., 2007. – С. 19.
- ⁶ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: УРСС, 2001. – С. 220.
- ⁷ Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. – М.: Политиздат, 1985. – С. 99.
- ⁸ Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. – М.: Паритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – С. 173.
- ⁹ Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 337.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Касавин И.Т. Предтечи научной революции // Философия науки. Вып. 5. Философия науки в поисках новых путей. – М., 1999. – С. 31.
- ¹² Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – С. 51.
- ¹³ Fraassen B.C. van. Structure: Its Shadow and Substance // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2006. №57 (2). – P. 288.
- ¹⁴ Ibid. – P. 293.
- ¹⁵ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 270.
- ¹⁶ Wrathall M. How to read Heidegger. – London: Granta Books, 2005. – P. 97.

Аннотация

В статье анализируется влияние дотеоретических искусств и социальных практик на становление философских учений и традиций философствования. Рассматриваются примеры присутствия «следов» искусств и практик в структуре и содержании философских систем и научных теорий, а также эффекты их смешения. На основании типологизации влияний дотеоретического на теоретическое выделяются четыре идеальных типа философствования: «визуализация», «когерентизация», «конструирование», «интерпретация».

Ключевые слова: дотеоретические искусства, идеальные типы философствования, визуализация, когерентизация, конструирование, интерпретация.

Summary

The article analyzes the influence of pretheoretical arts and social practices on philosophic formation and philosophizing traditions. The examples of arts and practices' «tracks» in the structure and the content of philosophic systems and scientific theories and the effect of their mixing are examined. On the base of typology of the influence of pretheoretical towards theoretical the author points out four ideal types of philosophing. They are: «visualization», «cogeneration», «construction», «interpretation».

Keywords: pretheoretical arts, ideal types of philosophing, visualization, cogeneration doctrine.